

УДК 141.201
ББК 87.185

ХАОС И РЕВОЛЮЦИЯ (ПРОЛЕГОМЕНЫ К ОНТОЛОГИИ РЕВОЛЮЦИИ)

А.И. Иваненко

В статье автор предпринимает попытку осмыслить феномен революции с позиций теорий хаоса. Он рассматривает отношение между социальным хаосом и революцией, а также выявляет в революции идеальные и экзистенциальные аспекты.

Ключевые слова: аттрактор, бифуркация, революция, синергетика, социальная реальность, хаос.

Термин «революция» достаточно привычен в отечественном марксистском философском дискурсе. Главным образом он применялся к описанию интенсификации процессов общественного бытия. Тем не менее исторический марксизм так и не поднялся до *онтологии революции*, ибо поскольку качественные скачки не всегда связывались с революционными процессами, то и сама революция могла казаться чем-то акцидентальным, приходящим в общественное бытие. Во многом это объясняется сохранением эволюционистской парадигмы, согласно которой все складывается постепенно, в течение долгого времени. Однако развитие философии демонстрирует, что термин «революция» не может быть всецело «приватизирован» марксизмом. Он обладает значительным объяснительным потенциалом и не может быть отброшен на свалку истории. Термин «революция» активно используется сторонниками технологического детерминизма, историк науки Томас Кун с помощью его объясняет процесс формирования идей (см.: [8]), а историк Гордон Чайлд обозначает им таинственный процесс зарождения цивилизации на нашей планете [15, с. 286].

Самое время поставить вопрос об онтологическом статусе революции. Этот статус уже активно разрабатывается в рамках так называемых теорий хаоса. Так, отечествен-

ная исследовательница В.В. Афанасьева в своей работе «Детерминированный хаос: от физики к философии» (2001) характеризует революцию как «частный случай бифуркации» [1, с. 68]. Это представление восходит к синергетической традиции, у истоков которой стоял немецкий физик Герман Хакен. Революциям он посвятил целую главу (15-ю) своего фундаментального труда «Тайны природы. Синергетика: учение о взаимодействии» (1992). Он фактически отождествляет революции с хаосом, поскольку они проступают жестко структурированными формами социальной реальности. Хакен вначале фиксирует привычное представление о революции как о «перевороте, в результате которого один государственный порядок в отдельной взятой стране сменяется другим» [14, с. 189]. Затем он обобщает данное понятие, рассматривая его сквозь призму синергетики. Теперь Хакен определяет революцию как «состояние неустойчивости, за которым следует то или иное нарушение симметрии» [там же, с. 215]. Более подробное описание «неустойчивости» мы находим у другого основоположника синергетики – Ильи Пригожина. Он сообщает, что крайним случаем неустойчивых систем являются системы хаотические [11, с. 7].

Однако следует воздержаться от чересчур поспешного отождествления революции и хаоса хотя бы на том основании, что хаос с трудом поддается формально-логическому описанию и в рамках академического дискурса сохраняет черты *негативного* понятия.

Если на уровне здравого смысла мы скорее видим в революции частный случай хаоса, то на путях теоретического мышления хаос вполне может оказаться онтологической проекцией революции. Однако онтологический характер немислим без атрибута всеобщности. Можем ли мы усмотреть в революции всеобщность, сравнимую со всеобщностью хаоса?

Неуловимость социального хаоса

Философы прежних эпох не всегда мыслили хаос (даже в его социальном аспекте) синонимом революции. Для Герберта Спенсера хаотичным является первобытное общество, которое предшествует упорядоченному цивилизованному состоянию. Эта мысль созвучна представлениям XIX века о промискуитете как начальной форме семейного существования. Истоки такой локализации хаоса на шкале исторического времени, безусловно, восходят к английскому мыслителю XVII века Томасу Гоббсу, который, как известно, характеризовал естественное состояние как «войну всех против всех».

Ныне исследования антропологов-структуралистов XX века, и прежде всего К. Леви-Строса, свидетельствуют, что так называемое первобытное состояние упорядочено ничуть не меньше, чем современная цивилизация. А отечественный исследователь Л.Н. Гумилев даже приписывает архаическим коллективам большую статичность (гомеостаз), чем обществам перманентной модернизации. Так, он откровенно «статическими» («персистентными») народностями называет австралийских тасманийцев, сибирских тунгусов и североамериканских алгонкинов [5, с. 120–121]. Концепция Л.Н. Гумилева вписывается в теорию «традиционных обществ», которым никак нельзя приписать состояние хаотичности.

Подобная неопределенность локализации хаоса на шкале времени может объясняться тем фактом, что любая форма общественного бытия в той или иной мере содержит элементы хаоса. Аргументы в пользу этого можно найти как с *материалистических*, так и с *идеалистических* позиций. С материалистических позиций социальное не мыслится вне биологической основы, посему его можно охарактеризовать как форму существования жи-

вой материи. Живое же благодаря фундаментальным процессам метаболизма (питание + рост) мыслится выражением открытости системы, которая в пределе, по мысли И. Пригожина, совпадает с хаосом. С идеалистических позиций социальное является продуктом взаимодействия суверенных личностей, каждая из которых обладает изначальной свободой воли. Это, в свою очередь, наделяет общество хаотическими атрибутами, ибо любая закономерность базируется на добровольности как форме индетерминизма.

Революция как энтелехия хаоса

Тем не менее мера хаоса не во всех формах социальной реальности одинакова. Существуют более или менее упорядоченные социальные формы, причем первые по преимуществу и изучаются общественными науками. Впрочем, это не противоречит базовой для всех теорий хаоса идее, что хаос первичен по отношению к порядку и не может быть определен через его отрицание. Подобно хаосу, революция также не может сводиться исключительно к катастрофическому аспекту. В ней очевидным и существенным образом присутствуют и процессы самоорганизации, мобилизации и даже творчества масс, которые только в редких случаях можно объяснить эффектом реставрации.

Пожалуй, наиболее корректным было бы утверждение, что хаос проявляется в моментах перехода, в предельных случаях интенсификации динамики (своеобразного взрыва) социального бытия, которые получили наименования революций. Разумеется, не все проявления социального хаоса могут быть отнесены к революции, но она охватывает их все как некоторая тотальность. Отсюда сделаем вывод, что революция и есть энтелехия социального хаоса.

Однако этот вывод нуждается в уточнении, поскольку общественные науки фиксируют в революциях определенные временные структуры. В основе современных исследований революций лежит фундаментальная работа Крейна Бринтона «The Anatomy of Revolution» («Анатомия революции») [19, р. 59]. В этом труде категория революции берется как Gestalt (форма), или, если быть ближе к английскому языку, pattern.

Прежде всего, К. Бринтон пытается содержательно и логически определить термин «революция», где родовым понятием оказывается понятие изменения – *change*. В концепции Аристотеля изменение и движение практически отождествляются. Именно посредством их определяется такой фундаментальный атрибут бытия, как время. К. Бринтон вначале пытается отождествить революцию с процессами изменения, ссылаясь на троцкистское толкование, в рамках которого «перманентная революция» неотличима от прогресса [19, р. 3]. По факту использования термина «консервативная революция» можно сказать, что направленность подобных изменений носит привходящий характер. Однако К. Бринтон все же делает необходимые уточнения.

Так, неотъемлемым элементом революции он считает насилие. Например, приход к власти Лейбористской («трудовой») партии в Англии в 1945 году К. Бринтон не называет революцией только потому, что он не сопровождался насилием. Интересно заметить, что в своем преувеличении исторического значения прихода лейбористов (социалистов) к власти К. Бринтон был не одинок. Его современник Джордж Оруэлл написал в те годы антиутопию «1984», где описывал общество, в котором победил *ангсоц* («английский социализм»). Стоит отметить, что «цветные революции» первого десятилетия XXI века возобновили дискуссии относительно того, является ли насилие атрибутом революции. Так, современный исследователь революций Дж. Голдстоун, опираясь на факты «бархатных», демократических революций (например, Чехословакия, 1989 год), склонен считать фактор насилия несущественным и привходящим [4, с. 60]. Однако насилие может иметь и бескровные формы: например, психологическое насилие уличных толп над Центризбиркомом в ходе Оранжевой революции в Украине в 2004 году. Кроме того, если, согласно М. Веберу, государство – это легитимное насилие, то сложно представить, чтобы его антипод – революция – был бы лишен насилия.

Само по себе понятие насилия подразумевает сложный характер интересубъективного взаимодействия. Его биологической основой является описанный Конрадом Лоренцом

феномен внутривидовой агрессии. Однако насилие, безусловно, несводимо к агрессии. Оно носит сознательный и целенаправленный характер. Нередко насилие включает в себя понятие избыточного вреда, который выполняет компенсаторную функцию. Подлинно социальным феноменом оно становится тогда, когда обнаруживает социальное различие и приводит к формированию социальных групп на основании единой (протестной) идентичности. Посему естественная эволюционная агрессия, призванная стать механизмом естественного отбора и самосовершенствования, проецируясь и трансформируясь посредством идеологии, превращается в насилие. Дж. Голдстоун, прямо не говоря о насилии, тем не менее вскрывает его генезис посредством идеологии, которая конвертирует психологический дискомфорт в социальное действие [4, с. 76].

При этом не любое «насильственное изменение существующего строя» К. Бринтон склонен именовать революцией. Он приводит в пример Афинский переворот 411 года до н. э., когда к власти в полисе пришла олигархическая группировка, и отказывает этому событию в праве называться революцией, поскольку здесь не фигурировало в качестве цели общественное благо. Посему, опираясь на труд К. Бринтона, мы можем предложить следующее определение: революция – это насильственное изменение существующего строя во имя свободы большинства, поэтому революция не может не быть народной (*popularis*). Однако последнее уточнение относительно «общего блага» исключает из рассмотрения те движения, которые в зависимости от контекста могут расцениваться то как национально-освободительные, то как сепаратистские, поскольку они выражают интересы меньшинства. Бринтон для их описания использует термин «*territorial-nationalists*» [19, р. 23]. Действительно, в рамках Британской империи национально-освободительное движение ирландцев никак не может быть рассмотрено как движение большинства. Вместе с тем К. Бринтону приходится сделать отдельное отступление, чтобы защитить Американскую революцию, которая в отечественной традиции более известна как Война за независимость в Северной Америке 1775–1783 годов. Для этого он доказывает ее социальный

характер и приверженность антифеодальным идеям Просвещения.

Еще одним, скорее подразумеваемым, критерием революции К. Бринтон называет успешность. Попытка революции сама по себе не есть революция, хотя этот термин к ней могут применять историки. Такие революции К. Бринтон называет abortive («ублюдочными») и в качестве примера приводит Европейскую революцию 1848 года [19, р. 24] (Февральскую революцию 1848 года во Франции), которая, кстати, вдохновила Карла Маркса и Фридриха Энгельса на написание «Манифеста коммунистической партии».

Кластер фазовых переходов

От определений К. Бринтон довольно быстро приходит к рассмотрению самой структуры революций, что позволяет Дж. Голдстоуну обвинить его в «примитивном описательном обобщении» [4, с. 59]. Статус эталона имеют четыре революции, которые К. Бринтон называет важными (important): Английская, Американская, Французская и Русская. Причем они отнюдь не равны между собой. Deskriptивным образцом, безусловно, является Великая французская революция [19, р. 3]. Это представляется вполне разумным. Советский исследователь М.А. Барг пишет, что сам термин «Английская революция» является дискуссионным у историков. Британские исследователи склонны заменять его понятиями «Великий мятеж» (Great Rebellion) и «Гражданская война» (Civil War) [2, с. 37]. Американскую революцию Дж. Голдстоун уже не включает в число четырех «великих революций». Ее место в «каноническом» списке он делегировал Китайской революции 1949 года [4, с. 59]. Не меньше споров вызвала Русская революция. Если в советские годы события октября 1917 года трактовались как Великая Октябрьская социалистическая революция, то после Перестройки их нередко именовали «Октябрьским переворотом» [18, с. 6]. Не меньшей ревизии подверглись и февральские события в России. Так, например историк И.Я. Фроянов также усматривал в событиях начала 1917 года не революцию, а политический переворот [13, с. 43–44].

Таким образом, только Французская революция 1789–1794 годов оказывается бес-

спорной, и именно на ее примере К. Бринтон выводит свой знаменитый «Закон Термидора», согласно которому любая революция в процессе своего развития приходит в той или иной степени к отрицанию самой себя, или, как образно говорят, подобно хтоническому демону «революция начинает пожирать своих детей».

Структуру революций К. Бринтон рассматривает в логико-историческом ключе как цепь сменяющих друг друга этапов, которые вынесены в названия четырех из девяти глав «Анатомии революции»: Старый Режим, Правление «умеренных», Годы Террора и Термидор. Хотя, безусловно, в тексте можно найти и более мелкие градации революционного процесса.

Любая революция начинается со стадии Старого Режима, то есть с разложения самой «ткани» социальной реальности, вследствие чего современный режим начинает восприниматься как старый. К. Бринтон делает одно немаловажно замечание: отсталые или традиционные страны не знают революций [19, р. 33]. Социальная реальность должна разомкнуться во времени, прийти в движение, встать на путь модернизации и воспринять саму оппозицию «старое – новое». Рассматривая пример Русской революции, К. Бринтон обращает внимание на предшествующие ей реформы, относительно которых общество (и главным образом правящий класс) начинает раскалываться: одним кажется, что реформы идут слишком быстро, а другим – что слишком медленно. Таким образом, маховик революции запускается сверху. Сам процесс реформ предполагает как цель некий идеализированный образ нового порядка, на основании которого появляется антиправительственная революционная идеология, заражающая собой массы посредством агитации. Рано или поздно инфицированные революционной идеологией массы устраивают беспорядки, которые пользуются моральной поддержкой со стороны радикальной части правящего класса. Эти беспорядки маркируют собой начало революции и конец Старого Режима. Так, К. Бринтон в один ряд ставит победу американских патриотов при Лексингтоне (Массачусетс) 1775 года, взятие Бастилии в 1789 году и уличные беспорядки в Петрограде 8 марта 1917 года [19, р. 72]. Однако сами по себе беспорядки не приводят

к падению режима. Здесь решающую роль играют настроения в армейской среде. К. Бринтон отмечает, что накануне Французской революции королевская армия была разложена революционной пропагандой и единственной верной опорой трона оставались немецкие наемники. Равным образом и Русская революция стала ощутимой лишь после того, как царская армия перешла 12 марта 1917 года на сторону восставших.

Если перевести этот процесс на язык теории хаоса, то революция начинается с *состояния неустойчивости* и нестабильности. Естественно, возникает вопрос: что провоцирует данное состояние? С философской точки зрения очевидно, что социальное бытие погружено во время, главным свойством которого является необратимость, а необратимость является следствием неустойчивости. В этом случае любая социальная форма старорежимна, подобно тому как все живое смертно. Тезис К. Бринтона относительно невозможности революций в традиционных обществах как будто имеет эмпирическое подтверждение, однако известно, что идея необратимости времени зарождается как раз в рамках традиционного средневекового общества. Примечательно, что эта идея необратимости почти тысячу лет не провоцировала никаких революций. Кроме того, согласно данным историков, первые революции отнюдь не стремились к проведению форсированной модернизации [2, с. 20]. Сама приставка *ре-* (*ge-*) в слове «революция» указывает на возвратное или обратное движение [там же, с. 33]. Нидерландская и Английская революции XVI–XVII веков были вдохновлены идеями славного прошлого, перечеркнутого иноземным господством: испанским или нормандским. В этом случае революция предстает как катастрофа или «эффект бабочки», когда некая микроскопическая флуктуация производит асимметричный ответ.

Далее К. Бринтон переходит к описанию следующего этапа, когда после свержения Старого Режима к власти приходят «умеренные» (*the Moderates*). Примечательно, что они рекрутируются из привилегированных слоев прежней власти. Примерами «умеренных» для К. Бринтона являются английские пресвитериане, французские фельяны и жи-

рондисты, а также русские кадеты, народники и меньшевики.

С точки зрения теории хаоса можно сказать, что социальная система после первого значительного сбоя как бы начинает восстанавливаться, социальный организм регенерируется и создается впечатление успешного преодоления кризисных явлений старорежимного периода. Поэтому правление «умеренных» сопровождается состоянием эйфории или *Honeymoon* («медовый месяц»), поскольку вначале революцию, как правило, поддерживают самые широкие слои населения. Однако стабилизация оказывается иллюзорной, кризис переходит во вторую, более разрушительную стадию. В теориях хаоса этот эффект получил название каскада удвоения периода. К. Бринтон объяснял это процесс тем, что власть от «умеренных» перетекает к экстремистам. Отчасти это объясняется тем фактом, что любая революция имеет сомнительный правовой статус и любая новая власть боится реванша. Новый режим более уязвим, чем старый, ибо, с одной стороны, у него нет опыта управления, а с другой – боясь отождествления со свергнутыми правителями, он дает более широкие обещания и даже полномочия деструктивным элементам. Как замечает К. Бринтон, «умеренные» допускают «популярную» ошибку: они не видят угрозы «слева» [19, р. 145].

На смену «медовому месяцу» приходит этап, который К. Бринтон обозначает как *dual sovereignty* («двойной суверенитет»), но в отечественной традиции более подходящим является термин «двоевластие». Экстремисты начинают обвинять «умеренных» в половинчатости, непоследовательности и даже в сговоре с представителями Старого Режима. Примерами экстремистов в работе «Анатомия революции» названы английские индипенденты, американские «сыны свободы», французские якобинцы и русские большевики.

К. Бринтон замечает, что, согласно логике революции, экстремистов ждет успех, поскольку они ставят под свой контроль новую армию. В качестве иллюстрации своего тезиса он перечисляет ряд схожих исторических событий, которые, с одной стороны, знаменуют конец двоевластия, а с другой – начало Тераора (правления экстремистов). Это английс-

кая Прайдова чистка 6 декабря 1648 года, когда «умеренные» депутаты были насильственно изгнаны из Парламента; это и свержение монархии во Франции 10 августа 1792 года, установление режима Первой Республики и последовавшие за ним «сентябрьские убийства» аристократов; это и «Октябрьская революция» в России. В глаза бросаются некоторые неточности в оперировании фактами, которые, впрочем, могут быть объяснены условностью любой схемы. Так, события августа 1792 и октября 1917 года, если следовать логике К. Бринтона, никак не могут быть приравнены, поскольку в первом случае к власти пришли «умеренные» жирондисты, а во втором – экстремисты-большевики.

После прихода экстремистов хаос выходит на финишную прямую, или приближается к своему пределу, – к *состоянию аттрактора*. В непримиримой оппозиции начинается процесс фрагментации, что выражается в кровавой борьбе за власть, для описания которой К. Бринтон использует сильное выражение: *dog-eat-dog cruelty* [19, p. 179] – «жестокая собачья возня».

Когда хаос достигает своего предела, то в нем начинаются процессы самоорганизации, применительно к теории революции получившие название периода Термидора. Само слово «термидор» является названием одного из месяцев французского революционного календаря, который в наибольшей степени соответствует григорианскому июлю – самому теплему, или *термическому*, месяцу года. Исторический Термидор – это свержение якобинской диктатуры Робеспьера 27 июля 1794 года. Однако Бринтон расширяет значение этого термина до общего спада революции. Поэтому в разряд Термидора попадает и 18-е брюмера (название еще одного из месяцев республиканского календаря) – переворот Наполеона 9 ноября 1799 года. Но Термидор как последний этап революции К. Бринтон все же противопоставляет Реставрации как абсолютному пределу революции. Если абстрагироваться от французских реалий, то началом Термидора в Англии он называет роспуск Охвостья Парламента 20 июня 1653 года [там же, p. 216], за которым последовало установление режима личной власти Оливера Кромвеля. Для России К. Бринтон начало

Термидора отсчитывает с 1921 года – введения нэпа. Обращает на себя внимание тот факт, что К. Бринтон скуп на иллюстрацию своей теории событиями Американской революции. Вместе с тем ход ее исторического освещения не опровергает содержание «Анатомии революции». Так, некоторые американские историки подтверждают факт наличия в американской истории своеобразного Термидора [12, с. 66]. Речь здесь идет о «движении за провозглашение Вашингтона королем США» [7, с. 76], которое имело место в 1783 году и достигло своей кульминации в неудачном «Ньюбургском заговоре». Однако отсутствие амбиций у Джорджа Вашингтона и его республиканские убеждения в буквальном смысле спасли американскую демократию. Следует также отметить, что территориально Американская революция оказалась не столь успешной, поскольку часть североамериканских колоний (Канада) остались верны британской короне, сохранив королевскую конную полицию и пост генерал-губернатора доминиона. Одно время существование США оказалось под вопросом, а угроза Реставрации была налицо, поскольку в 1814 году британские войска захватили значительную часть Новой Англии, включая столицу – город Вашингтон. Эти события получили название Второй войны за независимость [там же, с. 142].

Касаясь движущих сил революции, К. Бринтон придерживается концепции «баланса элементов». Он признает в них экономическую подоплеку, которую сводит к *transfer of property* («переделу собственности»). Однако классовый характер революции им начисто отрицается, поскольку К. Бринтон обращает особое внимание, что все выдающиеся революционеры в той или иной степени принадлежали к правящему классу. Так, он подчеркивает, что вождь Английской революции Кромвель был провинциальным дворянином (*country gentleman*), а вожди Русской революции Керенский и Ленин происходили из среды царских чиновников.

К. Бринтон также утверждает, что представление о неизбежности революции – это миф, порожденный пропагандой экстремистов. Он обращает внимание, что при всей своей несхожести революционеры всех времен были

совершенными (rigid) детерминистами [19, р. 201]. Английские кальвинисты (пуритане, индепенденты) видели себя орудием Провидения, французские якобинцы – орудием Естественного Разума, а русские марксисты облекали свой детерминизм в материалистические формы. Таким образом, утверждается, что революция носит случайный характер. Невозможно вывести строгий закон революции, но можно с разной долей вероятности обрисовать сценарии ее развития.

Исследуя тему революции, мы наталкиваемся на фундаментальный онтологический парадокс: если революция выражает динамику бытия, то почему ее изучение неизбежно сводится к изучению ее статических фрагментов?

Фракталы как семена хаоса

Системообразующим ядром революционной статики является именно идеология, степень ее инфильтрации в массы и отсутствие иммунитета у общества. Саму революционную идеологию К. Бринтон сравнивает с вирусом. Вместе с тем К. Бринтон дистанцируется от консервативных «теорий заговора», признавая в революции как некоторую долю спонтанности, так и внутреннюю логику развития.

Современный исследователь революций Дж. Голдстоун при общем восхищении от работы К. Бринтона тем не менее упоминает и ее содержательные недостатки. Главным из них является недооценка международного фактора [4, с. 59]. В самом деле, внешние влияния на ход революционного процесса широко известны в научной и публицистической литературе. В числе форм этого влияния называют интервенцию, «экспорт революции», иностранную агентуру и даже «масонский» фактор [10, с. 57].

В философском плане акцент на внешних влияниях немаловажен, поскольку он свидетельствует, что революция не является закрытой системой и посему процессы энтропии в ней возрастая не могут. Отслеживая этот ход мысли, в революциях действительно можно усмотреть такое качество, как *вирулентность* (способность к воспроизводству через заражение), что указывает на присутствие в ней идеального фактора. С другой стороны, наличие в революциях общих

моментов в теориях хаоса получило название *фрактальности*.

Все перечисленные К. Бринтоном великие революции (Английская, Американская, Французская и Русская) были взаимосвязаны. Ряд фактов позволяет видеть в Американской революции прямой отголосок Английской. Прежде всего, это следует из того, что движущей силой обеих революций были пуритане [7, с. 42–43]. В Англии им на короткий срок (1649–1660 годы) удалось создать республику (*Commonwealth of England*). В годы Американской революции на территориях колоний Виргиния, Пенсильвания и Массачусетс появились автономные образования со схожим названием (*Commonwealth*). Далее Американская революция воспроизвела себя в структуре Великой французской революции. Франция поддержала сепаратистское движение колонистов, надеясь взять реванш за поражение от Англии в Семилетней войне [16, с. 42, 66–67]. Пользуясь реваншистскими настроениями, агенты американского Конгресса вербовали во Франции волонтеров-офицеров [там же, с. 44] для повстанческой Континентальной армии, которая испытывала дефицит кадров. В числе этих офицеров оказался маркиз де Лафайет – бывший королевский мушкетер и будущий создатель вооруженных сил революционной Франции. С именем Лафайета связано формирование такого революционного инварианта, как Национальная гвардия, структура которой воспроизводилась не только во Франции и США, но и антикоммунистических революционных движениях конца 1980-х годов в СССР. В конце 1777 года Франция решается на прямую интервенцию в североамериканские колонии Англии с целью поддержки местных сепаратистов [7, с. 71]. Прямым результатом этого вмешательства в североамериканские дела стало «необычайное возбуждение, охватившее третье сословие, и широкое распространение республиканских идей Американской революции» [16, с. 78] во французском обществе. Под очевидным влиянием Американской революции Франция приняла Декларацию прав человека и гражданина 26 августа 1789 года. Тем же месяцем датирована встреча депутатов Национального собрания Франции с Томасом Джефферсоном – официальным представите-

лем США [16, с. 145]. Примечательно, что американская общественность на первых порах (до Большого террора в 1793–1794 годов) усматривала «во Французской революции отблески своих революционных устремлений» [7, с. 112].

Влияние Французской революции на Русскую признано как очевидцами, так и интерпретаторами тех событий. В основном влияние шло через декабристов, однако и сам Маркс был своего рода медиатором этих событий [6, с. 123–125].

Идейный и экзистенциальный аспект

Обнаружив феномен репликации революции, необходимо выделить ее инвариант, свободный от географических и исторических частных особенностей. Двумя главными лозунгами революции неизменно оказывались императивы *свободы* и *равенства*. В оригинальных коммунистических революциях под свободой понималась независимость от государственного аппарата. Под равенством имелось в виду уничтожение отношения «господство – подчинение». В более ранних буржуазных революциях протест был направлен против феодальных сословных привилегий. Однако исток революций имеет начало в религиозном западно-христианском дискурсе. Не случайно термины *revelation* (Откровение, Апокалипсис – название последней книги Библии) и *revolution* (революция) практически созвучны. Они различаются лишь двумя гласными фонемами. Об идеалистических предпосылках революции оговаривается сам Маркс в работе «К критике гегелевской философии права», когда пишет «тогда революция началась в мозгу монаха» [11, с. 422], имея в виду отца Реформации Мартина Лютера.

Что же в протестантизме было потенциально революционного? Многие исследователи отмечают, что протестанты ничего нового к догматике не прибавили, зато выступили с решительной критикой католической церковной иерархии, против привилегий духовенства [2, с. 86; 17, с. 45]. Тем самым проповедовались свобода и равенство. Протестанты начали с критики римского католицизма, перешли к нападкам на местных епископов и закончили утверждением конгрегационализма – автономных самоуправляющихся общин (конгрегаций). Если протестантизм мало что сде-

лал в области догматики, то можно сказать, что он по крайней мере по-новому расставил акценты. Известно, что, критикуя власть и полномочия римского первосвященника, Лютер выдвинул идею всеобщего священства, согласно которой каждый христианин в принципе может и проповедовать Евангелие, и совершать таинства; другое дело, что желательнее, чтобы это делали люди, призванные к тому и образованные. Субъективно Реформация стремилась возвратиться к раннему христианству, искаженному, как казалось, в годы средневекового «вавилонского плена». В Новом Завете идеи свободы от законов Ветхого Завета и равенства всех народов перед Богом особенно подчеркивает апостол Павел.

Божественное мыслится как хаотическое, раскрывающееся в индетерминизме и неупорядоченности – «дух дышит, где хочет». Чтобы излишне не теологизировать дискурс, следует вспомнить, что к сходным идеалам приходили античные циники. Интересно заметить, что христианский протестантизм повлиял на формирование революционных процессов в Китае и Корее. Отсюда, мы наталкиваемся на проблему: если революция вирулентна, то не является ли она воспроизведением одного и того же архетипа?

Логика нашего изложения неуклонно направляется к тому, чтобы представить революцию не как форму события, но как форму и тотальность хаоса, проявленного в социальном плане бытия. Обращение к данным общественных наук неизбежно фиксировало статические характеристики, ее рутину и ритуалы, без которых, замечает Кристоф Вульф, «социальное невозможно» [3, с. 19]. Между тем, несмотря на наличие определенных ритуальных форм, революция представляет собой совершенно особую форму социальной реальности, суть которой как раз в трансцендировании существующих форм.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Афанасьева, В. В. Детерминированный хаос: от физики к философии / В. В. Афанасьева. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2001. – 247 с.
2. Барг, М. А. Великая английская революция в портретах ее деятелей / М. А. Барг. – М. : Мысль, 1991. – 400 с.

3. Вульф, К. К генезису социального: Мимезис, перформативность, ритуал / К. Вульф ; пер. с нем. Г. Хайдаровой. – СПб. : Интерсоцис, 2009. – 164 с.
4. Голдстоун, Дж. К теории революций четвертого поколения / Дж. Голдстоун ; пер. с англ. Н. Эдельмана // Логос. – 2006. – № 5 (56). – С. 58–103.
5. Гумилев, Л. Н. Этногенез и Биосфера Земли / Л. Н. Гумилев. – Л. : Гидрометеоздат, 1990. – 325 с.
6. Иваненко, А. И. Вирулентность революции на примере России / А. И. Иваненко // Эволюция революционности и консерватизма в социальных слоях России и других государств / под ред. С. Н. Полторака. – СПб. : Нестор, 2008. – С. 123–126.
7. Иванян, Э. А. История США / Э. А. Иванян. – М. : Дрофа, 2006. – 572 с.
8. Кун, Т. Структура научных революций. – М.: Изд-во «АСТ». – 605 с.
9. Маркс, К. К критике гегелевской философии права / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения. Т. 1. – М. : Политиздат, 1954. – С. 414–423.
10. Масонство в его прошлом и настоящем. – СПб. : РАН, 2006. – 272 с.
11. Пригожин, И. Время. Хаос. Квант / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 240 с.
12. Становление американского государства / под ред. А. А. Фурсенко. – СПб. : Наука, 1992. – 318 с.
13. Фроянов, И. Я. Октябрь семнадцатого (глядя из настоящего) / И. Я. Фроянов. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1997. – 160 с.
14. Хакен, Г. Тайны природы. Синергетика: учение о взаимодействии / Г. Хакен. – М. ; Ижевск : Ин-т компьютер. исслед., 2003. – 320 с.
15. Чайлд, Г. Древнейший Восток в свете новых раскопок / Г. Чайлд ; пер. с англ. М. Б. Граковой-Свиридовой. – М. : Инстр. лит., 1956. – 324 с.
16. Черкасов, П. Л. Лафайет / П. Л. Черкасов. – М. : Мысль, 1991. – 376 с.
17. Чистозвонов, А. Н. Нидерландская буржуазная революция XVI века / А. Н. Чистозвонов. – М. : АН СССР, 1958. – 190 с.
18. Экзамены и зачеты по кафедре истории и философии / под ред. А. А. Какурина. – СПб. : Копи-Р, 2001. – 17 с.
19. Brinton, C. The Anatomy of Revolution / C. Brinton. – N. Y. : Vintage Books, 1960. – 243 p.

CHAOS AND REVOLUTION (INTRODUCTION TO THE REVOLUTION ONTOLOGY)

A.I. Ivanenko

The article interprets the revolution phenomenon based on the chaos theories. The author considers relation between social chaos and revolution and establishes ideal and existentialist aspects within revolution.

Key words: *attractor, bifurcation, revolution, synergetics, social reality, chaos.*